

УДК: 821.161.1.:821.512.133.

Go'zal M. EGAMBERDIEVA,

Filologiya fanlari nomzodi, professor, O'zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti, Toshkent, O'zbekiston
E-mail: guzal.egamberdieva.76@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2410-992X

O'zMU dotsenti, f.f.n A.Baltabayeva taqrizi asosida

КРИЗИСНЫЙ ГЕРОЙ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ПОВЕСТИ РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

Аннотация

В статье рассматривается кризисный герой как одна из характерных моделей личности в русской и узбекской повести конца XX – начала XXI века. На материале произведений С.Бабаяна, Ф.Нагима, А.Дмитриева, Ю.Горюхина, М.Палей и Н.Эшонкула анализируются причины внутреннего кризиса личности, особенности его художественного воплощения и национальная специфика. Устанавливается, что в русской повести кризис героя преимущественно связан с социально-профессиональной невостребованностью, отчуждением и утратой прежней идентичности, тогда как в узбекской повести он приобретает выраженный нравственно-философский и духовный характер.

Ключевые слова: повесть, кризисный герой, типология героя, русская литература, узбекская литература, личность, отчуждение, идентичность, рефлексия.

THE CRISIS HERO IN RUSSIAN AND UZBEK NOVELLAS AT THE TURN OF THE 20TH–21ST CENTURIES

Annotation

The article examines the crisis hero as one of the characteristic personality models in Russian and Uzbek novellas at the turn of the 20th–21st centuries. Based on works by S.Babayan, F.Nagim, A.Dmitriyev, Yu.Goryukhin, M.Paley and N.Eshonkul, the causes of the individual's inner crisis, the peculiarities of its literary representation and national specificity are analyzed. It is established that in Russian novellas the hero's crisis is mainly associated with social and professional marginalization, alienation and the loss of former identity, whereas in Uzbek novellas it acquires a pronounced moral, philosophical and spiritual dimension.

Key words: novella, crisis hero, hero typology, Russian literature, Uzbek literature, personality, alienation, identity, reflection.

XX–XXI ASRLAR CHEGARASIDAGI RUS VA O'ZBEK QISSALARIDA INQIROZLI QAHRAMON

Annotatsiya

Maqolada XX asr oxiri – XXI asr boshlaridagi rus va o'zbek qissalarida shaxsning o'ziga xos modellaridan biri sifatida inqirozli qahramon tahlil qilinadi. S.Babayan, F.Nagim, A.Dmitriyev, Yu.Goryuxin, M.Paley va N.Eshonkul asarlari misolida shaxs ichki inqirozining sabablari, uning badiiy ifodalanish xususiyatlari hamda milliy o'ziga xosligi o'rganiladi. Rus qissalarida qahramon inqirozi asosan ijtimoiy va kasbiy talabning yo'qolishi, begonalashuv va avvalgi identiklikning yemirilishi bilan bog'liq bo'lsa, o'zbek qissalarida u ko'proq axloqiy-falsafiy va ma'naviy mazmun kasb etishi aniqlanadi.

Kalit so'zlar: qissa, inqirozli qahramon, qahramon tipologiyasi, rus adabiyoti, o'zbek adabiyoti, shaxs, begonalashuv, identiklik, refleksiya.

Введение. Русская и узбекская повесть конца XX – начала XXI века развивается в условиях существенных общественных, культурных и мировоззренческих изменений. Трансформация привычного жизненного уклада, переоценка прежней системы ценностей, изменение положения человека в обществе закономерно отражаются на художественной концепции личности. Герой все чаще оказывается перед необходимостью заново определять собственное место в мире, переосмысливать жизненный опыт, профессиональные и нравственные ориентиры, отношения с окружающими.

В результате в повести исследуемого периода формируются устойчивые модели героя, различающиеся исходной жизненной ситуацией, характером внутреннего и внешнего конфликта, ценностными установками и способами взаимодействия с действительностью. Одной из наиболее распространенных моделей становится кризисный герой, внутренний мир которого формируется в ситуации разрушения привычной системы координат. Кризис может охватывать профессиональную деятельность, семейные отношения, нравственные

убеждения, мировоззрение и представления личности о собственном предназначении.

Сравнительное рассмотрение данного типа героя в русской и узбекской литературе позволяет установить не только общие закономерности художественного осмысления человека переходной эпохи, но и национальные особенности интерпретации личностного кризиса.

Анализ литературы по теме. Материалом исследования послужили повести русских и узбекских писателей конца XX – начала XXI века. В русской литературе кризисный тип героя представлен в произведениях С. Бабаяна «Без возврата (Негерой нашего времени)», Ф.Нагима «Теория падений», А.Дмитриева «Призрак театра», Ю.Горюхина «Встречное движение», М.Палей «Рая & Аад». В узбекской прозе наиболее репрезентативными для рассматриваемой проблемы являются повести Н.Эшонкула «Қора китоб» и «Тун панжаралари».

Сопоставление данных произведений показывает, что типологическая общность кризисного героя определяется прежде всего утратой устойчивых оснований

существования. Однако конкретные причины кризиса и способы его художественного воплощения различаются. Русские писатели чаще соотносят внутренний конфликт личности с социально-историческими преобразованиями, профессиональной невостребованностью и разрушением привычных общественных связей. В узбекской литературе кризис в большей степени переносится в пространство нравственного и философского сознания человека.

Методология исследования. В работе использованы сравнительно-типологический, структурно-семантический и метод филологического анализа художественного текста. Сравнительно-типологический подход позволяет выявить общие признаки кризисного героя в русской и узбекской повести и определить национально-специфические формы его художественной реализации. Анализ образной, сюжетно-композиционной и повествовательной организации произведений используется для установления характера внутреннего конфликта героя и динамики его самоопределения.

Анализ и результаты. Наиболее последовательно русская модель кризисного героя представлена в повести С.Бабаяна «Без возврата». Центральный персонаж произведения Андрей Иванович Стрельцов – представитель научной интеллигенции, жизненный кризис которого обусловлен изменением социального положения человека науки в постсоветскую эпоху. Научная деятельность, в которой герой видел основное содержание своей жизни, постепенно утрачивает общественную значимость. Профессиональная невостребованность сопровождается материальной неустроенностью и ощущением бессмысленности прожитых лет.

Герой, убежденный, что «всем ходом своей истории человечество обязано исключительно научному прогрессу» [1], оказывается перед реальностью, в которой его профессиональные знания и жизненные убеждения перестают обеспечивать человеку устойчивое место в обществе. Подводя итоги собственной жизни, Стрельцов с горечью думает: «Вся жизнь насмарку... Машины нет, дачи нет... Работа стоит... могут и сократить» [1]. Материальная сторона здесь важна не сама по себе, а как свидетельство утраты социальной значимости избранного жизненного пути.

Кризис постепенно распространяется и на отношения героя с окружающими. Стрельцов все сильнее ощущает отчуждение даже от близких людей: «Все, что делают и чем интересуются даже близкие ему люди, не просто чуждо, но и дико ему» [1]. Показательно, что герой понимает двойственную природу своего одиночества: не только окружающие становятся чужими для него, но и он сам оказывается неспособным включиться в их жизнь. Социальный конфликт тем самым постепенно превращается во внутренний.

Внешне Стрельцов сохраняет способность критически оценивать действительность и собственное положение. Однако развитая рефлексия не приводит его к действию и не становится способом выхода из кризиса. Напротив, самоанализ усиливает изоляцию. Название повести «Без возврата» поэтому приобретает двойное значение: оно характеризует как необратимость исторических изменений, так и внутреннее состояние героя, утратившего возможность возвращения к прежней системе ценностей.

В других русских повестях кризисный герой получает различные модификации. В «Теории падений» Ф.Нагима кризис Радика Соколкина обусловлен утратой профессионального призвания. В отличие от Стрельцова, герой способен внешне адаптироваться к новой

социальной действительности, однако достигнутое благополучие не восстанавливает ощущения внутренней реализованности. Таким образом, внешняя адаптация и внутреннее самоопределение оказываются принципиально различными процессами.

В повести А.Дмитриева «Призрак театра» кризис связан прежде всего с нереализованным творческим потенциалом. Шабашов сохраняет убежденность в собственном даровании и ждет роли, которая могла бы оправдать его творческую жизнь. Ожидание становится основной формой его существования. В «Встречном движении» Ю.Горюхина центр кризиса перемещается в межличностную сферу: Петр Грогин и Даша Лозье оказываются неспособными преодолеть внутреннее одиночество и установить устойчивую эмоциональную связь. В повести М.Палей «Рая & Аад» кризис развивается в ситуации эмиграции и связан с постепенной утратой героиней личностной автономии.

Таким образом, в русской повести кризис личности обладает значительной вариативностью. Он может иметь профессиональную, творческую, социальную или межличностную природу, однако во всех случаях связан с утратой прежних оснований существования и необходимостью заново определить свое место в изменившемся мире.

Иное художественное направление получает кризисный герой в узбекской повести. Наиболее последовательно его модель представлена в произведении Н.Эшонкула «Қора китоб». Главный герой – пожилой интеллигент и бывший преподаватель – предстает перед читателем уже после совершившейся нравственной катастрофы. Он убил собственных детей и в форме исповеди пытается восстановить путь, приведший его к преступлению. Внешняя событийность сведена к минимуму, а основное художественное действие переносится в сознание персонажа. Герой одновременно становится рассказчиком, обвиняемым и судьей самого себя.

Причиной его внутреннего разрушения оказывается крушение мировоззренческой системы, которой он подчинил всю жизнь. На протяжении многих лет герой верил в возможность преобразования человека посредством определенной системы идей, воспитания и знания. Однако постепенно он приходит к осознанию того, что идеология «Черной книги», воспринимавшаяся им как универсальная истина, отделила его от живого человека, национальной памяти, духовной традиции и нравственных основ существования.

Особое значение приобретает способность персонажа к самоосуждению. Герой признает: «Никто не может судить меня так, как я сам. Приговор, который я вынес сам себе, заставляет любые другие приговоры выглядеть как муха перед орлом» [6]. Исповедь, таким образом, становится пространством внутреннего суда. Однако рефлексия не приводит к восстановлению разрушенной личности: осознание вины только усиливает трагическое саморазрушение.

Другая модификация узбекского кризисного героя представлена в повести Н.Эшонкула «Тун панжаралари». Здесь нет единственного катастрофического события, определяющего сюжет. Кризис развивается как длительное состояние внутреннего отчуждения. Главный герой – тридцатидвухлетний интеллигент – существует преимущественно в пространстве собственных воспоминаний, ночных монологов, сновидений и философских размышлений. Ночь превращается в особое

время самопознания, в котором прошлое, настоящее и воображаемое соединяются в едином потоке сознания.

Его внутренний конфликт обусловлен невозможностью обрести устойчивый смысл существования, любовь и единство с самим собой. Разрыв с детством, профессиональная неустроенность, утрата любви и духовная неудовлетворенность постепенно формируют ощущение собственной ненужности. Символические «ночные решетки» выражают состояние внутренней несвободы: главная тюрьма героя находится не во внешнем мире, а внутри него самого.

Сопоставление «Қора китоб» и «Тун панжаралари» обнаруживает две различные формы кризисного сознания. В первом произведении кризис достигает нравственной катастрофы и разрушает не только самого человека, но и его семью. Во втором он сохраняется как длительное состояние духовного отчуждения и поиска смысла. Общим становится перенос художественного действия во внутренний мир личности и усиление исповедального начала.

Сравнительное рассмотрение русских и узбекских произведений позволяет установить как типологическое сходство, так и существенное различие в моделировании кризисного героя. Общим является разрушение устойчивой системы ценностных координат и необходимость личностного самоопределения. Вместе с тем в русской повести кризис преимущественно возникает как реакция человека на изменение социальной среды, утрату профессионального статуса, творческую нереализованность, эмиграцию или нарушение межличностных связей. Герой пытается сохранить или заново обрести автономию в изменившемся мире.

В узбекской повести социальный фактор не исчезает, однако художественный центр перемещается в нравственно-философскую сферу. Главным становится вопрос не столько о социальном положении личности, сколько о ее отношении к истине, нравственной ответственности, духовным основаниям существования и

собственной вине. Тем самым кризис оказывается способом проверки мировоззренческой и нравственной целостности человека.

Заклучение и предложения. Кризисный герой является одной из устойчивых типологических моделей русской и узбекской повести конца XX – начала XXI века. Основным основанием данного типа выступает разрушение прежней системы жизненных координат, приводящее к утрате устойчивой идентичности, отчуждению и необходимости переосмысления собственного существования.

В русской повести кризис героя чаще обусловлен социально-историческими изменениями, профессиональной невостребованностью, творческой нереализованностью, разрушением межличностных связей и утратой личностной автономии. Несмотря на различия конкретных жизненных ситуаций, рассмотренных персонажей объединяет стремление сохранить внутреннюю независимость в условиях изменившейся действительности.

В узбекской повести кризис приобретает преимущественно нравственно-философское содержание. Герои Н.Эшонкула переживают не только разрушение внешних жизненных ориентиров, но и глубокое сомнение в собственных мировоззренческих основаниях. Исповедь, воспоминание и самоанализ становятся основными способами художественного раскрытия такого состояния.

Таким образом, типологическая общность кризисного героя сочетается с национальной спецификой его художественного воплощения. В русской модели более заметно стремление личности сохранить или восстановить собственную автономию, тогда как в узбекской кризис раскрывается прежде всего как поиск утраченных духовных и нравственных оснований существования. Это различие позволяет рассматривать типологию героя как один из значимых аспектов сравнительного изучения трансформации русской и узбекской повести рубежа XX–XXI веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаян С. Без возврата. (Негерой нашего времени). // Континент. № 108. 2001. <https://magazines.gorky.media/continent/2001/108/bez-vozvrata-negeroj-nashego-vremeni.html>
2. Дмитриев А. Призрак театра // Знамя. №6. 2003. <https://znamlit.ru/publication.php?id=2035>
3. Горюхин Ю. Встречное движение. https://royallib.com/read/goryuhin_yuriy/vstrechnoe_dvigenie.html#0
4. Нагим Ф. Теория падений (Записки зонального менеджера) // Дружба Народов. № 10. 2009. https://royallib.com/read/nagim_farid/teoriya_padeniy_zapiski_zonalnogo_menedzera.html#0
5. Палей М. Рая & Аад // Зарубежные записки. №15. 2008. https://royallib.com/book/paley_marina/raja_aad.html
6. Эшонкул Н. Қора китоб. <https://ziyouz.uz/ozbek-nasri/nazar-eshonqul/nazar-eshon-ul-ora-kitob-issa/> (перевод автора диссертации)
7. Эшонкул Н. Тун панжаралари. <https://ziyouz.uz/ozbek-nasri/nazar-eshonqul/nazar-eshon-ul-tun-panzharalari-issa/>